

Сяо Шисинь молча скривила губы.

Лечь?

Я уже уступала тебе полчаса, лучше ты ложись.

На следующий день.

Когда Тан Сяожань утром вставала с кровати, ей впервые пришлось задействовать силу воли, чтобы подняться.

...Потому что ноги немного подкашивались.

Стоя перед раковиной и медленно выдавливая зубную пасту, Тан Сяожань посмотрела на свое отражение в зеркале и вздохнула.

Лицо было измученным, потому что Президент Сяо, будучи разожжена её провокациями, отпустила её только после трех часов ночи; глаза были красными и немного сухими, потому что вчера ночью физиологических слез пролилось слишком много.

Так возникает вопрос: стоило ли так баловаться?

Тан Сяожань подумала и решила, что если бы вчера вечером у неё были силы прижать Сяо Шисинь, то это было бы очень весело!

Вставив в рот электрическую зубную щетку, она сейчас даже не хотела тратить силы на то, чтобы держать ручку щетки, размышляя о том, почему эта компания не может разработать продукт, который, будучи брошенным в рот, автоматически чистит всю ротовую полость.

Уделив умыванию вдвое больше времени, чем обычно, она вытерла лицо, вышла из ванной и направилась в столовую, откуда доносился запах завтрака.

На столе стояли две миски готовой каши с зеленью и грибами, с порцией освежающих закусок — маринованной редьки.

Но из кастрюли исходил еще более аппетитный аромат.

Подойдя ближе, Тан Сяожань высунула голову и посмотрела внутрь через прозрачную крышку, в голосе слышалось легкое волнение:

— ...Сяолунбао?

Боже мой! Это вкусно!

Сяо Шисинь сидела на диване, стуча по клавишам ноутбука на коленях. Увидев, что она встала и привела себя в порядок, она отложила работу и подошла.

Каша в мисках еще парила — очевидно, она очень хорошо знала биологические часы Тан Сяожань.

— Тело что-нибудь беспокоит? — Увидев, что цвет лица у нее не очень хороший, Сяо Шисинь сжала губы, в черных глазах в форме феникса мелькнуло недовольство собой.

Внимание Тан Сяожань было полностью сосредоточено на том, когда можно будет съесть

пельмени, и, услышав ее вопрос, она вспомнила, что вчера вечером была пациентом с невысокой температурой.

Хм, и она воспользовалась лихорадкой, чтобы безобразничать всю ночь, и была научена жизни нынешним Президентом Сяо.

Она села за стол, размешала кашу ложкой, почувствовала запах устричного соуса, повернула шею и жадно посмотрела на пельмени, которые все еще готовились на пару.

Только потом она повернулась и встретилась взглядом с Сяо Шисинь, севшей рядом.

Когда та протянула руку, чтобы проверить температуру ее лба, Тан Сяожань заулыбалась, в уголках глаз и бровей читалось особое значение. Облизнув ложку в руке, она произнесла:

— Сейчас уже не жарко, спасибо Президенту Сяо за вчерашнюю помощь безвозмездно —

Уголок губ все больше расширялся, тон её речи изменился, в нем намеренно появилась нотка обиды, и она пожаловалась:

— Но я же говорила, что я в первый раз, просила быть нежнее, не делать так долго, ты не послушала... Поэтому сейчас мне кажется, что где-то внутри тела все еще осталось...

— Тан, Сяо, Жань! — Сяо Шисинь никак не ожидала, что рано утром ей придется выслушивать впечатления после дела!

Вау, когда ты на меня наваливалась, я не видела твоей стеснительности!

А теперь стесняешься!

Самые кончики ушей покраснели!

Тан Сяожань действительно была покорена ею, чувствуя, что режим «аскетизма» Президента Сяо и режим «раскрепощения», когда её доводят, — это просто два разных человека.

Глядя на те черные глаза, которые от злости даже начали немного блестеть, она опустила голову, сделала глоток вкусной каши, затем тихо пробормотала:

— Это ты сама спросила.

Ей просто нужно было честно доложить о текущих физических ощущениях.

Оно похоже на чувство, что тебя сломали.

Честно подумала Тан Сяожань.

— Честно говоря, сестра Сяо, быть человеком нужно справедливым, в следующий раз моя очередь, да? — Тан Сяожань посмотрела на неё с притворным видом, что выражение ее лица очень чистое, ресницы затрепетали, в глубоких карих глазах читалось довольно много ожиданий.

Сяо Шисинь опустила глаза на кашу в миске: белый рис, разваренный до мягкости, нарезанная соломкой зелень и редис отражали яркие красный и зеленый цвета, тонкие ломтики грибов шиитакэ составляли простую и красивую картину.

— Ешь. — Она спокойно произнесла два слова.

Тан Сяожань: ...??? Милая, воспользовавшись и сбежала, так нехорошо, да?

— Сестра Сяо —

— Сяолунбао готовы. — Сяо Шисинь посмотрела на время и встала, направляясь в сторону маленькой кухни.

Хочешь отвлечь меня едой?

Я выгляжу такой глупой?

— С какой начинкой! — Сначала поешь, а потом о другом думай!

Сяо Шисинь выключила огонь, открыла крышку, и сразу вырвалось большое облако белого пара, унося с собой невероятно соблазнительный аромат по всей комнате.

— Баранина.

Пельмени, лежащие в бамбуковой корзине плоскими, поднимались палочками для еды, словно маленькие фонарики.

Тонкая кожица, если палочками поддеть отверстие, оттуда выходил аромат мяса, сильно дразня желудок едока. После того как положить в ложку, пропитанный начинкой кристально чистый бульон вытекал изнутри, в легкой соленой и ароматной свежести была вся суть начинки.

Аромат пельменей был еще довольно высоким, но люди не могли удержаться, чтобы не вдохнуть прохладный воздух и откусить кусочек.

— Боже, так вкусно! Сестра Сяо, я тебя люблю! Ууу, выходи за меня!

Язык был слегка обожжен, левая рука Тан Сяожань безостановочно обмахивала его, а правая рука без усталости тянулась к следующему пельменю в корзине.

Взгляд Сяо Шисинь стал очень мягким.

Ей нравилось смотреть на выражение лица Тан Сяожань, когда она ела то, что приготовила она сама.

Счастье до зависти, словно пробовала изысканный вкус человеческого мира.

Плотно позавтракав, Тан Сяожань с удовлетворением потеряла круглый живот и села на месте некоторое время.

Примерно через десять с лишним минут она пошла в сторону маленькой кухни, закатала рукава и собиралась мыть посуду, которую Сяо Шисинь убрала и положила в раковину.

Услышав звук открывающегося крана, Сяо Шисинь бросила взгляд в сторону столовой.

Непрерывный шум текущей воды заставил ее в конце концов не выдержать, она отложила компьютер и встала, чтобы посмотреть на сторону кухни.

Увиденная сцена заставила ее на мгновение замереть.

— Подожди, оставь посуду там, я помою перед приготовлением обеда, ты иди сюда, садись. — В прохладном голосе Сяо Шисинь звучала легкая забота.

Тан Сяожань подняла голову и улыбнулась ей, показав аккуратные зубы, ответив:

— Ничего, тот, кто не готовит, должен мыть посуду. Я хочу начать с сегодняшнего дня воспитывать осознание семейной жизни двух человек.

Но Сяо Шисинь стоило вспомнить, что вчера ночью она мучила человека до глубокой ночи, и она не могла продолжать обрабатывать работу у себя в руках.

Подумав, она направилась в сторону маленькой кухни.

— Иди на диван. — Несмотря на то, что голос был все еще мягким, он не терпел возражений.

Она даже открыла теплую воду, взяла ее за руку, смыла только что попавшую на руку пену, держа ее за запястье и мягко повела в сторону за пределами кухни.

Тан Сяожань была очень беспомощна и хотела подчеркнуть ей:

— Я правда уже хорошо, нет температуры, не веришь — посмотри на градусник через некоторое время.

Сяо Шисинь спокойно смотрела на нее, больше ничего не говоря.

Тан Сяожань могла только сдаться, переминаясь на месте рядом, но просто упорно не шла в сторону гостиной.

Когда Сяо Шисинь нажимала средство для мытья посуды в раковину, она подняла глаза и посмотрела на нее.

В результате тот, кто только что без раздумий начинал водить машину, теперь, когда нужно было говорить правду, напротив, стала медлить, запинаясь, сказала:

— Эм, я не хочу сидеть, просто хочу постоять немного, способствовать пищеварению.

Сяо Шисинь прищурила глаза, длинные ресницы закрывали её глаза, а также закрывали эмоции, поднимавшиеся на дне глаз.

В коротком молчании они так стояли, одна мыла, другая смотрела, пока Сяо Шисинь не смыла пену с предплечий.

Коротковолосая женщина молчала полминуты, потянула висевшее сбоку белое полотенце, вытерла руки, и когда снова подняла голову, содержание речи стало таким:

— Переодевайся, повезу тебя в больницу.

Тан Сяожань развернулась и побежала.

Она знала! Если скажет правду, Президент Сяо обязательно будет очень, очень, очень чувствовать вину, а потом еще по такой стыдной причине повезет её в больницу!

С температурой не поехала! Из-за того, что любимый человек... делал, попала в больницу, что за дела!

— Нет, нет, нет, нет, нет — я сразу же буду хорошей, возможно, к полудню поправлюсь, также возможно, что вчера вечером плохо спала, ты же говорила? — Тан Сяожань пыталась вести последнюю борьбу.

Сяо Шисинь проигнорировала её слова, увидела одежду, которую она раньше достала и положила, планируя носить сегодня, просто спокойно спросила:

Автор: Вау, все-таки я так рано начала писать постельные сцены! Я изменилась! Я стала настоящей развратницей!

Нижеследующий контент пропущен. Как-нибудь подумаю и напишу. Сначала пойду копить черновики, чтобы вдруг, если задержусь в больнице, не отставать с обновлениями.

<http://bllate.org/book/16430/1489429>